

КОМПОЗИТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В РУССКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Сулейбанова М.У.

Чеченский Государственный Университет, Грозный, Россия (364907, Грозный, ул. Шерипова, 32) e-mail: sulejbanova/ru@mail.ru

Наиболее продуктивным способом композитного словопроизводства в русско-чеченских параллелях является суффиксальный способ. Общее семантическое значение действия, передаваемое формантами *-ение(e)*, *-ани(e)*, *-и(e)* в словообразовательной системе современного чеченского языка оформляется с помощью масдарного суффикса *-р*: *мохкбегор-земле-трясение*, *сабадар-мыловаре-ние*; Форманты *-к(a)* и *-лк(a)* - суффикс причастия - *рг*: *просорушка - борцохьург*; *водокачка - хиузург* и т.д. Контрастивные особенности: а) способы соединения компонентов: в чеченском языке – без соединительных элементов; б) функциональные возможности частей: в чеченском языке компоненты сложного слова употребляются в виде самостоятельных слов, тогда как в русском языке это возможно не всегда; в) усечение первой основы в модели прил.+сущ. в русском языке, при сохранении полносложности компонентов этой модели в чеченском.

Ключевые слова: композитное словопроизводство, русско-чеченские параллели сложных слов, контрастивные особенности

COMPOSITE WORD FORMATION IN RUSSIAN AND CHECHEN

Suleybanova M.U.

Chechen State University in Grozny, Russia (364907, Grozny, str. Sheripova 32) e-mail: sulejbanova/ru@mail.ru

The most productive way to composite word derivation in Russian-Chechen-ray parallels *sposob*. Obschee suffix is the semantic value of the action passed formants-ix (e)-ani (e), and (e) in the formative system contemporary Chechen language is made with masdarnogo using the suffix-*p*: *mohkbegor* an earthquake, *sabadarmylovartion*; Formant-to (a) and-lx (a) - suffix Communion - *pg*: *milletrushka - bortsoghurg*; water tower - *hiuzurg* etc. Contrastive features: a) ways of connecting components: in the Chechen language, without coupling, and b) the functionality of the parts: the Chechen language components of complex words are used as independent words, while the Russcom language is not always possible, and c) truncation first base model adj. + noun. in Russian-Soviet language, while maintaining *polnoslozhnosti* components of this model in Chechnya.

Keywords: composite derivation, Russian-Chechen parallel complex words, contrastive features

Словообразовательные системы русского и чеченского языков располагают обилием способов порождения новых слов, среди которых выделяются сложение основ, суффиксация, префиксация, суффиксально-префиксальный и другие способы. Однако наиболее продуктивным из всех отмеченных способов словопроизводства является суффиксальный способ образования новых слов. В настоящей статье проводится сопоставительный анализ русских и чеченских сложных существительных с точки зрения семантики словообразовательных формантов основ.

Ученые, вслед за Ф.Ф. Фортунатовым, считают, что значение производного слова формируется в ходе словообразовательного процесса на основе значений морфем, из которых конструируется звуковая оболочка. Они утверждают «единство звуковой оболочки и значения внутри лексических единиц». [2, с. 34].

Н.Г. Комлев пишет, что «комплекс проблем, возникающих при изучении семантического содержания слова, механизмов производства и восприятия слова,

концентрируется в проблеме значения слова» [6,с.5].

Б.Н. Головин считает, что объединение производящей основы и приставки в одно смысловое целое создает новое семантическое качество: возникает производное значение, определяемое смысловыми возможностями производящей основы и приставки[3,с.140-141].

Такую же точку зрения на семантику лексических единиц языка высказывает Г.О. Винокур [1,с.419-442]

К.А. Левковская, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов отводят большое место функциям конкретных суффиксов, префиксов и т.д.[7,с.35]

Тем не менее, отмеченный традиционный взгляд поддерживается далеко не всеми учеными. Так, ряд исследователей, вслед за Н.А. Янко-Триницкой [10,537с.] считает, что значение целого несводимо к значениям составляющих частей в производном слове[4,с. 5].

Рассмотрение композитов в соответствии со значениями словообразовательных формантов представляет особый интерес в плане семантики, ибо каждый конкретный формант несет определенную семантическую нагрузку и предопределяет семантику соответствующего сложного слова. Например, сложное слово «*лесоторговля*», включающее формант–*л(я)*, наделено процессуальной семантикой, в то время как однокоренное с ним сложное слово «*лесоторговец*», образованное посредством суффикса *-ец*, несет совершенно иную семантическую нагрузку, а именно: обозначает лицо по принадлежности к определенному роду занятий. Здесь расхождение семантики сложных слов, имеющих одинаковые составляющие основы и объединяемых в родственную группу сложных лексических единиц, вызвано различным семантическим наполнением формантов, производящих данные слова.

Аналогичная картина наблюдается в чеченском языке только на первый взгляд. Ср.: *болатлалор* и *болатлалорхо*, *бошмашлелор* и *бошмашлелорхо*, *даьхнилелор* и *даьхни-лелорхо*, *ялтакечдар* и *ялтакечдархо* и мн.др. Первые и вторые компоненты этих пар лексем входят в разные семантические классы.[8,с.48] Но это не связано с использованием разных формантов с соответствующими различными словообразовательными значениями. Дело в том, что в чеченском языке подобные сложные слова характеризуются более сложными словообразовательными отношениями, чем те, которые мы наблюдаем в русском языке. В чеченском языке сопоставляемые пары сложных слов (*болатлалор* и *болатлалорхо*, *бошмашлелор* и *бошмашлелорхо*) различны по морфемно-словообразовательной структуре: существительные со значением лица, для которых в качестве производящих основ можно рассматривать сложные образования со значением действия/деятельности, отличаются суффиксом *-хо*, и они всегда формально сложнее первых как минимум на этот суффикс. Соответственно они характеризуются и семантической сложностью (+«лицо, занимающееся деятельностью, обозначенной в производящей основе»).

Различия мы наблюдаем и в случаях с другими производящими основами. Ср. родственные пары в русском и чеченском языках, имеющие разные значения: *рыболов* – *рыболовство*, чеч. *чIерийлецар* – *чIерийлецархо*, *садовод* – *садоводство*, чеч. *бошмашлелор* – *бошмашлелорхо*. В русском языке, как мы видим, формально сложнее существительные со значением действия/деятельности (*садоводство*–*бошмашлелор*, *рыболовство*–*чIерийлецар*), тогда как в чеченском формальной сложностью характеризуются существительные со значением лица (*чIерийлецархо*–*рыболов*, *бошмашлелорхо* – *садовод*). Тем не менее, на уровне словообразовательных значений формантов соответствия между русским и чеченским языками, как показывает дальнейший анализ подобных примеров, имеются.

Сопоставительный анализ позволил выделить в качестве наиболее продуктивных следующие форманты, участвующие в производстве сложных лексических единиц в словообразовательных системах современного русского и чеченского языков:

1. Форманты *-ение(e)*, *-ани(e)*, *-и(e)*

Семантический анализ показал однозначность семантического поля функционирования производных, а именно: все сложные лексические единицы, появившиеся в результате использования формантов *-ени(e)*, *-и(e)*, употребляются в значении действия, названного deverбальной основой соответствующих композитов.

Этот вывод становится убедительным при рассмотрении словосочетательной объективации данных слов: слово «землепользование» на словосочетательном уровне языка означает «пользование землей», «формообразование» – «образование формы» и т.д.

Вышеотмеченное общее семантическое значение действия в словообразовательной системе современного чеченского языка оформляется с помощью масдарного суффикса *-р*.

Среди названных чеченских словообразовательных показателей внутри исследуемой группы наибольшую активность проявляет масдарный суффикс *-р*. Сравним: *кемадохар* – *кораблекрушение*, *мохкбегор* – *землетрясение*, *сабадар* – *мыловарение* и др.

Сопоставительный семантический анализ исследуемых русских и чеченских сложных единиц позволяет установить, что чеченские композиты имеют семантическое наполнение, полностью адекватное значению, выражаемому соответствующими русскими сложными словами, а именно: отмеченные чеченские сложные единицы, выступают с одним-единственным значением – значением действия, точнее – с процессуальной семантикой.

Таким образом, сопоставительное исследование лексического материала не выявило расхождений в семантическом плане между соотносительными русскими и чеченскими композитами данной группы. Имеющееся и известное различие состоит в том, что в русском языке при образовании подобных сложных слов используется не один формант, а целая их система (кроме выделенных еще имеются и другие, рассматриваемые ниже), тогда как в

чеченском это исключительно масдарные формы, имеющие единственный формант *-р*. Кроме того, обнаруживаются различия в соотношении сложных существительных по формальной сложности: в русском языке, как мы видели, формально сложнее существительные со значением действия/деятельности, тогда как в чеченском формальной сложностью характеризуются существительные со значением лица.

В производящих основах также не отмечается расхождений между синонимичными парами русских и чеченских сложных лексических единиц. Как и соответствующие русские сложные слова, их чеченские эквиваленты включают в качестве своих конструирующих компонентов слова, принадлежащие к различным грамматическим разрядам, но среди них преобладают девербативные и субстантивные основы. Точнее, опорные компоненты исследуемых сложных слов чаще всего передаются девербативными корнями (ибо данная группа композитов наделена процессуальной семантикой, выражаемой в системах обоих языков глаголом), зависимые же основы не отличаются однородностью, проявляя принадлежность к самым различным частям речи: субстантиву (*словоизменение–дошхийцадалар*), квантитативу (*второбрачие–шолгIазудаялор*), местоимению (*самовосхищение–шашехвоккхавер*) [8,с.49-50].

Сложные слова, образованные посредством перечисленных формантов, в современном русском языке поддаются синтаксической объективации либо на обоих известных уровнях одновременно, либо на каком-нибудь одном из этих уровней в зависимости от семантической принадлежности. В чеченском языке они не могут иметь синтаксическую объективацию, т.к. не имеют синтаксических синонимов – соответствующих словосочетаний, т.е. не образуют синонимических пар: *латтаахар* «землепашество» не составляет пару с «*ахар латта*» «пашество» и «земля», *кьоратохар* «градобитие» также не имеет словосочетательной пары *тохар* «битие» и *кьора* «град» и др.

2. Форманты *-к(а)* и *-лк(а)*

Внутри словообразовательных систем обоих языков сложные лексические единицы данного типа также характеризуются высокой продуктивностью.

Семантическое поле композитов варьируется: 1) процессуальное, передаваемое формантом *-к(а)*. Например, *верхолазка – лакхенийн белхало*, *казнокрадка – хазна лечкьориг* и др.;

2) орудийное, передаваемое как формантом *-к(а)*, так и формантом *-лк(а)*. Например: *просорушка – борцъохьург*; *водокачка – хиузург*; *зерносушилка – буюртигбакьориг*;

Опорные основы сложных слов данной группы в обоих языках восходят к девербативному корню. К последнему, в качестве зависимого компонента, присоединяются главным образом субстантивные основы(ср.: *мясорубка–жигжигьотург*), а также возможны

адъективные основы (ср.: *сладкоежка - мерза хIума езарг*), основы местоимений (ср.: *себялюбка – ша-шен езарг*). Заметим, что все представленные здесь основы субстантивированы.

Отмеченные первые вспомогательные части способствуют конкретизации семантика действия, названного соответствующими опорными компонентами.

Сложные слова с процессуальной семантикой в русском языке способны лишь к словосочетательной объективизации: сложные существительные, характеризуемые локальной семантикой, объективируются лишь в предложенческие конструкции; сложные же лексические единицы с субъективной семантикой могут объективироваться как в соответствующие словосочетания, так и в соответствующие предложения. Сравним: *лесозаготовка (заготовка леса)*, *лесосушилка (место, где сушат лес)*, *всезнайка: а) знающий все, б) тот, кто знает все; сноповязалка: а) связывающая снопы, б) машина, которая связывает снопы.*

Выявлены случаи, когда русское сложное существительное, наделенное семантикой процесса или действия, а также обозначающее лицо, машину или прибор, выполняющие определенное действие, в чеченском языке передается не одним сложным словом, а словосочетанием. Сравним: *верхолазка - лакхенан белхало, казнокрадка — хазна лечкьориг* и др.

На основе наблюдений над лексическими единицами В.П. Даниленко приходит к выводу о большой продуктивности слов с процессуальным значением, включающих суффикс *-ка*, по сравнению со словами с той же семантикой, образованными с помощью суффикса *-ние*. Наши же наблюдения в области композитов позволяют заключить, что частотность употребления слов, образованных с помощью сравниваемых суффиксов, почти одинакова, незначительный же перевес в плане их продуктивности относится, скорее, к существительным с формантом *-ни(е)*, нежели к существительным с формантом *-к(а)*. [8, с.51]

3. Форманты - *ник*, - *чик*, -*щик*, -*лыщик*

Сложные существительные с суффиксами *-ник*, - *чик*, -*щик*, -*лыщик* характеризуются неоднородностью семантики, выступая преимущественно со значением лица, относящегося к определенной профессии, реже они обозначают предмет или лицо с какой-либо иной характеристикой.

Выделенная группа сложных единиц не отличается однородностью зависимых производящих основ. В роли последних фигурируют слова, принадлежащие к различным грамматическим разрядам: субстантиву (*водоприемник-хигулдийриг*), адъективу (*железнодорожник – аьчканекъахо*), наречию (*многоугольник – духа сенаш - дерг*), квантитативу (*пяти-гранник – нхисаберг*), –призванным конкретизировать семантику

опорного компонента сложного слова, которое в системе обоих языков внутри данной группы выражается преимущественно глагольной основой.

На синтаксическом уровне исследуемая группа единиц свободно объективируется как в соотносительные словосочетания, так и в соотносительные предложенческие конструкции. Например: *газозаправщик* – 1) *заправляющий газом*; 2) *тот, кто заправляет газом* (предложенческая объективация); *судоремонтник* – 1) *ремонтирующий суда* (словосочетательная объективация); 2) *тот, кто ремонтирует суда* (предложенческая объективация).

В соответствующих чеченских сложных словах синтаксическая объективация не представляется возможной, т.е. сложные лексические единицы не имеют синонимических пар в виде соответствующих словосочетаний.

4. Суффикс *-тель*

Семантическое поле сложных слов прозрачно. Слова, объединяемые в данную словообразовательную группу, характеризуются в основном значением устройства или лица, выполняющего определенное действие (т.е. агентивной семантикой), названное опорным компонентом композита.

В словообразовательной системе чеченского языка отмеченный русский суффикс равнозначен по своему семантическому наполнению в основном суффиксам *-хо*, *-рг*.

Сравним: *кораблестроитель* *кеманашдархо*

золотоискатель *дешильхург*

В плане основ, составляющих рассмотренный тип сложных слов, наблюдается полное соответствие между параллельными русскими и чеченскими композитами; опорные компоненты данных сложных лексических единиц восходят преимущественно к девербативной форме, а также возможны адъективные основы. Зависимые же части соотносятся либо с субстантивной, либо с адъективной основами.

Благодаря своей семантике носителя действия, исследуемая группа композитов в русском языке способна объективироваться на обоих известных уровнях синтаксиса.

Например: *правдоискатель* – 1) *ищущий правду* (словосочетательная объективация); 2) *тот, кто ищет правду* (предложенческая объективация); *картофелекопатель* – 1) *копающий картофель* (словосочетательная объективация); 2) *машина для выкапывания картофеля* (предложенческая объективация);

Сравним с чеченскими соответствиями: *картолашьоххург* 1) *картолаш охкуш ерг* (предложенческая объективация); 2) *картолаш охку машин* (словосочетательная объективация) [9, с.48].

5. Суффикс *-ость*

Семантическое поле композитов с выделенными суффиксами в обоих языках однозначно: сложные единицы несут качественную, оценочную характеристику состояния, что обусловлено семантикой их суффиксов, производящих имена качества.

Словообразовательный анализ выявил в чеченских сложных единицах, синонимичных соответствующим русским сложным словам, продуцируемым с помощью суффикса *-ость*, словообразовательный показатель в форме суффикса *-алла*, реже в форме суффикса *-р*.

Сравним: грузоподъемность- кираайдаралла, самоокупаемость- шенхоржалла.

В противовес однозначности семантической нагрузки, приносимой в данные слова суффиксами *-ость*, *-лла* и *-р*, основы, входящие в их состав, варьируются. Это может быть и субстантив, и адъектив, и местоимение.

Таким образом, здесь наблюдается высокая активность имени прилагательного, которое, как мы имели случай убедиться в предшествующих группах, не отличается особой продуктивностью, тем более в роли опорного компонента сложных существительных.

Выводы

К контрастивным особенностям рассматриваемых моделей в сопоставляемых языках относятся:

а) способы соединения компонентов в сложном целом: в чеченском языке – без соединительных элементов (если не считать отдельных случаев наличия в исходе первого компонента падежного форманта); в русском языке возможны соединения с помощью интерфикса и без него;

б) функциональные возможности частей сложного слова: в чеченском языке почти во всех структурных типах компоненты сложного слова могут употребляться в виде самостоятельных слов, тогда как в русском языке это возможно не всегда;

в) усечение первой основы в модели структурного типа прил. + сущ. в русском языке, при сохранении полносложности компонентов этой модели в чеченском. [9,с.49]

В русском и чеченском языках базой для образования сложных существительных может служить лишь сочетание семантически и грамматически совместимых слов. Это, собственно, и является главной причиной того, что в разных языках существуют неодинаковые модели сложных слов.

При образовании сложных существительных между их составляющими элементами сохраняются, в основном, те же отношения, которые характерны для лежащих в их основе соответствующих сочетаний слов, несмотря на то, что эти слова в процессе их сложения в той или иной мере претерпевают изменения и в значении и в форме.

В русском и чеченском языках необходимо четко дифференцировать морфемный состав и словообразовательную структуру композитов. Подобное понимание вопроса

особенно важно в работах сопоставительного плана, поскольку, например, русские композиты, образованные разными способами, но имеющие один и тот же морфемный состав, нередко получают в чеченском языке различное эквивалентное выражение.

Список литературы

1. Винокур Г.О.Заметки по русскому словообразованию//Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С. 419-442
2. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонента семантической структуры высказываний. – В сб.: «Семантическая структура слова». – М., 1971.
3. Головин Б.Н. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов. – В кн. Славянское языкознание. М., 1959
4. Григорьев В.П. О взаимодействии словосложения и аффиксации. // ВЯ.– 1961.– №5.
5. Даниленко В.П. Влияет ли употребительность слов на продуктивность словообразовательной модели. – В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966.
6. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.– 1969.
7. Левковская К.А. Словообразование.–М.: Изд-во Московского ун-та.– 1954.– 35 с.
8. Сулейбанова М.У. Общее и частное в словообразовательной системе русского и чеченского языков.– Пятигорск.–2002.– с.48-50,51.
9. Сулейбанова М.У. Сложные существительные в современных русском и чеченском языках.– Пятигорск.– 2001.– с.48
- 10.Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик.– 2001. – 537 с.

Рецензенты:

Навразова Х.Б., д.ф.н., профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г.Грозный.

Тимаев А.Д., д.ф.н., профессор, профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.